

Тань Ядао, получив несколько лёгких ран, сказал:

— Ты действительно понимаешь её меч.

Затем он обратился к Пэй Шигу:

— Раз уж кто-то хочет увидеть мои приёмы «Оставивший меня» и «Смутивший моё сердце».

Он взмахнул мечом, и клинок пронёсся по воздуху, как западный ветер. Это был приём «Оставивший меня».

Все замерли. Удар был лёгким, как будто уставший человек поворачивается, но в момент, когда клинок обнажился, он стал невероятно тяжёлым. Если обычно говорят о боли, пронзающей сердце, то этот удар, направленный снизу вверх, прошёл через живот и грудь Лэ Юя, сдавив его внутренности так, что он едва мог дышать. Ему хотелось разорвать грудь, чтобы вытащить сердце и лёгкие.

Лэ Юй попытался уклониться, но не смог избежать удара. Клинок Чжуцзюинь разрезал беседку, и Пэй Шигу, обладающий острым зрением, увидел, как меч разрушил конструкцию. В одно мгновение беседка развалилась на две части, черепица посыпалась вниз, а столбы рухнули, подняв облако пыли в мелком дожде.

Лэ Юй выплюнул кровь и, воспользовавшись моментом, когда Тань Ядао закончил приём, нанёс быстрый удар мечом. Это был приём «Божественный орёл», который он использовал во время спора на реке. Тань Ядао блокировал удар своим мечом, и громкий звон металла разнёсся вокруг. Лэ Юй, казалось, был на пределе своих сил, но энергия Цици внезапно усилилась, словно река, вливающаяся в море. Весь его дух был вложен в этот удар. Это был последний шанс — победа или поражение, жизнь или смерть.

Пэй Шигу медленно произнёс:

— Он притворялся...

Лэ Юй не был одурманен звуками цитры!

В этот момент раздался конский топот. Лэ Юй поднял глаза и встретился взглядом с парой глаз, чистых, как вода, и глубоких, как чернила. Его сердце сжалось, словно от удара, и его меч слегка отклонился, что позволило Тань Ядао отбить удар. Камни Мэйлина покатались вниз, и Тань Ядао почувствовал острую боль в груди, его энергия взорвалась, и он тоже был тяжело ранен. Лэ Юй отступил, опираясь на меч, и снова выплюнул кровь.

Мо Ецянь, держа в руке бокал, пнул кукольную служанку, стоявшую рядом, и встал, громко смеясь. Все попали в ловушку! Это был князь Цзинчэн, Сяо Шанли, который тоже прибыл!

Лэ Юй был бледен, но лицо Сяо Шанли было ещё белее, словно цветущая груша, покрытая

снегом. Он был одет в роскошные одежды с золотым поясом и прибыл один. Он не решался смотреть на Лэ Юя, но его манера держаться была безупречной, словно ветви груши, качающиеся на ветру. Мо Ецянь с нетерпением подошёл к нему, радостно восклицая:

— Князь Цзинчэн, зачем вы пришли сюда? Я не могу поверить, что вы рискнули прийти сюда ради одного письма!

Сяо Шанли, полный горечи и сожаления, оглядел присутствующих и подумал: «Этот глупец принял эту женщину за принцессу Яньцин».

Он не показал своих чувств и, глядя на Не Фэйлуань, сказал:

— Ради справедливости — принцесса была похищена из-за нашей встречи, и я несу за это ответственность. Ради долга — принцесса приехала в Южную Чу издалека, и как член королевской семьи, я обязан защитить своих гостей. В этом мире нет места для того, чтобы гости подвергались опасности, а хозяева оставались безучастными!

Говоря это, он почувствовал острую боль в сердце и сжал кулаки, чтобы скрыть это. Помимо долга и справедливости, он знал, что Лэ Юй никогда не позволит ему пострадать. Он был уверен в этом, но не ожидал, что здесь окажется кто-то, с кем Лэ Юй не сможет справиться. Его сердце было в смятении.

Лэ Юй, опираясь на камень, поднял меч. Тань Ядао, держась за грудь, сказал:

— Ты тяжело ранен, а я ещё могу сражаться. Но ты понимаешь меч Яогуан, и я пока не хочу с ней враждовать. Сдайся, и я пощажу тебя.

Лэ Юй вытер кровь с губ. Любовный гу, который он носил в себе, причинял ему много страданий! Его внутренняя энергия была неустойчивой и легко рассеивалась. В одном ударе он мог сравниться с Яогуан, но через десять ударов он начинал отставать, а через тридцать — едва держался. После сотни ударов поражение было неизбежно.

Он засмеялся, сорвал с себя ленту для волос, которая была уже разрезана ударом «Оставивший меня». Его волосы рассыпались по плечам, и под маской обыденности проступили черты его красивого и резкого лица. Он указал мечом на Тань Ядао и сказал:

— Спасибо за доброту. Но сегодняшний бой закончится либо моей смертью, либо твоим поражением.

Затем он взглянул на Пэй Шигу. Оба они были с распущенными волосами, и белые одежды Пэй Шигу светились в темноте, как лунный свет. Лэ Юй, с окровавленными рукавами и грудью, стоял под дождём, высокий и величественный. Он поднял брови, и Тань Ядао, Пэй Шигу, Ван Люкэ и все, кто был на сцене, почувствовали холод и страх. Этот человек оставался тем же, но казалось, что он изменился. Никто не осмеливался прервать его, но он внезапно сделал неожиданный шаг.

Окружённый врагами, он поднял меч, выпрямил шею и, не глядя на них, произнёс:

— Я готов принять вызов и от меча разочарования, и от цитры Люйцитай.

И он нанёс удар, не глядя на противника!

Клинок пронёсся вперёд, и Тань Ядао вздрогнул. Это больше не было искусством Лэ Юя из «Сутры Истинного Удовольствия»! Раньше, несмотря на недостаток энергии, его удары были быстрыми и точными, а его движения — лёгкими и плавными, как ветер над морем. Теперь же его стиль изменился. Удары стали опасными, с расчётом на то, чтобы нанести максимальный урон, даже ценой собственного здоровья. Первые три удара были медленными и неуклюжими, но с каждым следующим ударом он ускорялся.

Это был «Песнь вытасченного меча», основанная на принципе: «Тонкая одежда может быть разорвана, трёхметровая ширма может быть преодолена, меч может быть вытасчен за спину». Она делилась на три уровня: разрыв, преодоление и вытаскивание. Этот стиль был крайне опасным, с оттенком отчаяния. Лэ Юй любил его в юности, но мать запретила ему использовать его, так как он был слишком талантлив, но также слишком импульсивен. «Песнь вытасченного меча» содержала в себе злобу, и чем больше было гнева и безумия, тем сильнее она становилась. Лэ Юй не использовал этот стиль тринадцать лет.

Цици и так был одним из лучших мечей в мире, но теперь Лэ Юй использовал его с невероятной силой. Его удары были широкими и мощными, и в каждом ударе слышался вой, будто это был не только меч, но и сам человек пел. С каждым ударом энергия становилась сильнее. Хотя ударов было мало, свет меча разгорался, как пламя, залитое маслом.

Цици сиял белым светом, создавая в ночи картину бескрайних снежных гор. Первый удар был как снежинка, второй — как снежный ком, третий и четвёртый... В течение сотни ударов меч стал подобен лавине, сметающей всё на своём пути. Лэ Юй не смотрел ни на кого, подняв голову к небу и опустив глаза на меч. Его волосы развевались, и он оставлял себя открытым для ударов, но он атаковал без остановки, не оставляя себе пути к отступлению. Тань Ядао воскликнул:

— Это не так!

Пэй Шигу, услышав вой меча, почувствовал энергию на расстоянии десяти чжан, и тоже сказал:

— Это не так!

Откуда у него такая сила! Даже Яогуан не могла сравниться с ним! Пэй Шигу, обладающий обширными знаниями, быстро понял: «“Искусство Грызущего Снег”!»

Это искусство можно использовать только после тяжёлых ран, когда человек использует свою жизненную энергию и боль, чтобы усилить свою силу. В пике оно может удвоить внутреннюю энергию, но после этого тело будет разрушено, и жизненная сила будет потеряна. Поэтому

название «Грызущий Снег» должно было быть «Грызущий Кровь». Но когда это искусство используется, тело становится холодным, как будто человек погружён в ледяную пучину, и это похоже на то, как если бы он ел снег, чтобы утолить голод. Сорок лет назад младший гроссмейстер Юань Минцзин использовал это искусство, чтобы победить десяток других младших гроссмейстеров, но он умер молодым, не дожив до тридцати лет.

Звуки цитры снова зазвучали. Пэй Шигу, зная, что Лэ Юй использует «Искусство Грызущего Снег», которое делает его почти непобедимым до момента обратного удара, почувствовал ещё большее желание сражаться. Звуки цитры стали ещё более пронзительными, и он думал: «Если я смогу испытать вершину мастерства младших гроссмейстеров, то даже смерть этой ночью не будет напрасной!»

Лэ Юй услышал мелодию «Шаги по инею», которая начиналась со слов: «Отец, мне холодно, мать, я голоден». Сяо Шанли, сидящий на сцене, задрожал, как будто его охватила лихорадка. У него были отец и мать, но отец был королём, и их отношения были больше как у правителя и подданного. Мать, наложница Жун, всегда говорила с ним сдержанно, и между ними была стена. Когда песня дошла до строк: «Я в поле, где мне ночевать? Кто будет говорить со мной?» — он уронил бокал. Его глаза стали мутными, и он почувствовал себя одиноким мальчиком, блуждающим в пустыне, без пути и без собеседника. Он подумал о том, кого хотел бы видеть рядом... Он всегда считал, что Лэ Юй будет защищать его, но сегодня он подвёл его и подверг опасности. Его сердце разрывалось от боли.

<http://bllate.org/book/15272/1348081>